

О. И. Ревуцкий (Беларусь, Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина)

**СОМАТИЗМЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ТЕКСТООБРАЗУЮЩИХ
МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
(на материале текстов русской поэзии)**

В системе метафорических средств русского языка и в частности стиля русской поэзии большое место занимают метафоры, созданные на основе соматической и органистической лексики. В роли метафор часто используются соматизмы, называющие части тела и внутренние органы, связанные с жизненно важными функциями организма и несущие большую информацию о внешности, эмоциях и внутреннем состоянии человека. В их числе слова *лицо, голова, глаза, щёки, руки, плечи, ноги, сердце* и др.

Соматические метафоры используются в разных сферах речи, и многие из них приобрели достаточно устойчивый характер. Например, глаз светофора, *лицо коллектива*. Соматизмы входят в состав огромного количества образных фразеологизмов, в тексты народных примет, например; *правый глаз дергается – к неудаче, левый – к деньгам; руки чешутся – к деньгам* [2, с. 143].

В поли постоянных метафор в поэтической речи используется относительно небольшое количество соматизмов, которые обладают высокой концептуальной мощностью, в результате частого использования в огромном количестве прецедентных текстов. Это прежде всего слова *глаза, лицо, руки, сердце*. Именно такие метафоры могут становиться текстообразующими, т. е. использоваться в качестве своеобразных моделей построения текстов и одновременно выступать в качестве генераторов смыслов, организованных более сложно, чем в простых метафорах.

В поэтических текстах сложились стабильные направления в осмыслении соматизмов, которые ведут к метафоризации. Например, лицо и глаза часто ассоциируется со светом, сердце – с высокими чувствами и др. Подчиняясь логике развертывания текста и находясь в соответствии с его жанровыми особенностями и композиционной структурой, текстовые метафоры распространяются и семантически усложняются. При этом нередко наблюдаются случаи концентрации в одном и том же тексте разных семантических опор метафоричности. Таков, например, текст М. Цветаевой «Глаза», в котором сконцентрированы осмысления глаз как сияющих (*два зарева*), огненных, прожигающих (*два серафических жерла*), как пронизывающих холодом (*глаза – из льда зеркал*) и др. Такое употребление ведет к обогащению образного смысла, формирует образ глаз как выражающих и свет, и тьму вселенной.

Метафорическое развертывание в текстах соматизма руки опирается на устойчивую, повторяющуюся в ряде текстов ассоциацию «руки – крылья», которая восходит к стабилизировавшемуся в поэзии метафорическому полю, представленному сериями метафор типа *крылатая мечта, полет мысли, мечтать о несбыточном – витать в облаках* и др. Такая метафора положена в основу текста А. Вознесенского «Стансы», в котором оба семантических плана метафоры, относимых к зоне сравниваемого (руки) и сравнивающего (крылья), получают развитие, выливаясь в оппозицию высокой душевной устремленности и низости. Изложенная о тексте мысль о непонятости благородных порывов лирического героя в плане сравниваемого подается как лишение рук из-за неправильно истолкованного жеста – возведения рук ввысь: *пели вскинуть к небесам / восхищенные ладони, / «Он сдается!» – задолдонят, / или скажут – «диверсант».*

На ассоциации «руки – крылья» основывается также смысл текста Л. Татьяничевой «Слово о руках», в котором оппозиция двух членов метафорической бинармы разрешается в пользу первого: *Но человеку / крыльев мало, / Должны быть руки / У него.*

Из семантического поля «соматизмы» в роли элемента тропо- текстообразования, абсолютно преобладает слово *сердце*, метафорические употребления которого поддерживаются как поэтической традицией, так и высоким имплицативным потенциалом, т. е. вероятностной структуры устойчивых семантических признаков, которые не входят в ядро его лексического значения, а «окружают его, подобно силовому полю» [1, с. 101] и могут стать основой метафорических употреблений.

В метафорическом употреблении слово *сердце* реализует такие признаки, как высокое духовное напряжение, жертвенность, самоотдача, устремленность к свободе, доброта, интуиция, легкая ранимость и др. С подобными признаками связаны стабильные метафоричные контексты, где сердце изображается как горящее, например, уподобляется факелу, птице, бьющейся в клетке и т. п.

Тексты со словом *сердце* в роли текстообразующей метафоры присутствуют у С. Ботвинника, Р. Казаковой, Л. Татьяничевой, В. Ходасевича, В. Цыбина и ряда других авторов. Анализ показал, что осмысления слова *сердце* осуществляются в нескольких направлениях, которые в основном соответствуют базовым имплицативным признакам этого слова. Так, изображение сердца как огненного и пылающего положено в основу ряда текстов Р. Казаковой, Л. Татьяничевой, В. Цыбина. В тексте В. Цыбина «Я трудно шел сквозь время...» представлен образ сердца, прожигающего время: *Но время сердцем прожигаю я / и вламываюсь в прожитую даль, / где я обуглил душу о печаль.* Тема горения (пылания) сердца присутствует и в стихотворении этого же поэта «Дань».

В тексте Л. Татьяничевой «Береста», где традиционное осмысление сердца как горящего связывается с образной конкретизацией горения (словом *береста*), что помогает образно передать мысль об очищении, и возрастаний: сгорающая береста зажигает большой костер.

Признак горения положен и в основу текста Р. Казаковой «Словно прожитое поле...», в котором передана идея жертвенности (сгорания от непосильной работы) и постоянной готовности к труду. Для этого автор прибегает к метафоре *сердце – Феникс*: *Но отчаясь, разувераясь, / вижу я, что всё равно / вновь из пламени, как Феникс, возрождается оно.*

Следующее направление в осмыслении сердца передает устремленность к активным действиям и поступкам, соответствующих жизненным идеалам. Такое осмысление приводит к метафорическому представлению сердца как находящегося в состоянии перемещения в пространстве (в полете, движении по суше или по воде). Примером

может служить текст В. Ходасевича «Играю в карты, пью вино...», в котором стремление к бурной, активной жизни передается как быстрое перемещение по поверхности моря, что, в свою очередь, приводит к появлению метафоры *сердце кораблик*: *Лети, кораблик мой, лети, / Кренясь и не ища спасенья...* В тексте этого же автора «Ласточки» сердце сближается с находящейся в полете ласточкой: *Не выпорхнуть туда, за синеву, / Ни птичьим крылышкам, ни сердцу подневольному.*

Изображение сердца, стремящегося к определенной цели, находит опору и в прямом значении этого слова. Интенсивно работающее сердце соответствует состоянию бега, быстрого движения человека. Таким образом, в подобного рода метафорах усматриваются и метонимические ассоциации. Подтверждением этому могут служить строки из стихотворения В. Высоцкого «Вершина»: *Мы рубим ступени, ни шагу назад, / И от напряженья колени дрожат, / И сердце готово к вершине бежать из груди...* Такого же рода метафоричность обнаруживается и в тексте Б. Пастернака «Баллада»: *Бывает курьером на борзом раскачетя сердце...*

Одно из распространенных направлений осмысления сердца связано с его представлением как связующего звена между человеком и окружающим миром. Такое понимание опирается на аналогию между ритмами природных объектов и артефактов с точки зрения ритмичности, что ведет к актуализации в слове *сердце* признака пульсации. Фактором, поддерживающим метафоричность такого рода в поэзии стало распространение в СМИ понимания жизненных процессов как ритмичных, т. е. пульсирующих, что обусловило появление в публицистике 60-х – 70-х годов XX века устойчивой метафоры *пульс планеты*, вносящей в слово *планета* дополнительный эффект олицетворения.

Круг наделяемых свойством пульсации объектов оказывается достаточно широким. Например, в тексте В. Цыбиина «Уже спохватываюсь, поздно...» повествование о пульсирующем сердце лирического героя переходит в описание пульсации объектов окружающей природы клены, ручьи, гроза: *И в каплях тоненьких на крышах пульсирует грозы буша.* Можно предположить, что конкретной основой метафоры является стук падающих капель дождя.

В другом тексте В. Цыбиина «Пульс» представлены два метафорических звена со словом *сердце*, которые соответствуют разным метафорическим субмоделям: в одном случае пульсация сердца связывается с поведением пойманной сетью птицы, а в другом – со стуком вагонных колес.

Из этого примера видно, что осмысление сердца как пульсирующего одновременно ассоциируется с движением, что, таким образом, указывает на близость второго и третьего из отмеченных нами осмыслений. (Такая

связь прослеживается и в приведенных выше строках из стихотворения Б. Пастернака «Баллада»).

На признаке пульсации сердца могут строиться метафоры, которые отходят от трех названных направлений. В этом плане весьма интересен текст С. Ботвинника «Саласпилский метроном» в основу которого положена метафорическая бинарма *«стук сердец – стук метронома*, на которой строится образное представление о погибших и похороненных в Саласпилсе людях как о воскресших: *Рвы травой заросли – / ей на мир не наглядеться. / Но стучит из-под земли / человеческое сердце.*

Боль в сердце, рана, гибель Ранимость, Конкретная ассоциация – только зацепка для создания метафорического образа. В другом тексте этого автора «У Германии облик двойной» на ассоциации «стук сердца – стук часов строится сложный образ сердца как заминированного, т. е. переполненного страданиями и готового «взорваться»: *Но лежат еще мины в земле, / и в сердцах еще тикают мины; / Но взрываются сразу сердца, если кто-то на них наступает.*

В современной поэзии встречаются и такие тексты, которые основываются на представлении о чуткости сердца, что создает условия для использования сравнивающих элементов из зоны артефактов. В этом плане показателен текст Р. Рождественского «Радар сердца».

Проведенный анализ дает основание заключить, что выход соматических метафор на уровень текста находится в зависимости от концептуальной силы положенных в их основу слова. Направления метафорического осмысления соматизмов в текстах оказываются заданными семантическими признаками, составляющими имплицитивный потенциал слов-понятий, которые подвергаются метафоризации. Базовые признаки метафорических построений в большинстве случаев оказываются лишь опорами, зацепками для развертывания метафоричных образов в динамике текстов. Такой процесс часто связывается с моделированием целых ситуаций.

Литература

1. Никитин, М. В. О семантике метафоры / М. В. Никитин // Вопросы языкознания. – 1979. – № 1. – С. 91–102.
2. Харченко В. К., Тонкова, Е. Е. Лингвистика народной приметы / В. К. Харченко, Е. Е. Тонкова. – Белгород: Изд-во ОАО «Белгородская областная типография», 2008. – 224 с.